

ISSN: 2219-8229

E-ISSN: 2224-0136

Founder: Academic Publishing House *Researcher*

DOI: 10.13187/issn.2219-8229

Has been issued since 2010.

European Researcher. International Multidisciplinary Journal

UDC 323.1(470.6)

**“We Haven’t Come Across any Formalized Nations in the North Caucasus”:
Soviet Nation-Building Practices and Their Regional Characteristics ***

Tat'yana P. Khlynina

Institute of Socio-Economic and Humanities Research Southern Scientific Center, RAS, Russian Federation

344006, Rostov-on-Don, etc. Chekhov, 41

Dr. (History)

E-mail: tatiana_xl@mail.ru

Abstract. This article is dedicated to the analysis of Soviet nation-building practices in the North Caucasus. The author examines specific circumstances and institutional mechanisms behind the formation of North-Caucasian nations. The article accentuates the primary role played by the Soviet state in this process, its active part in resolving current social-economic and political objectives. The author stresses the regional nature of nation-building, which was manifested in the North Caucasus in the administrative-territorial instability of autonomies being created. The author makes a conclusion about the sponsored nature of the nation-building process in the region.

Keywords: North Caucasus; nation-building practices; national autonomy; national policy; Narkomnats; department of Caucasus highlanders; collective identity; positive activity empire; sponsored state evolutionism.

Введение. Вопрос о природе возникновения и обстоятельствах формирования советских социалистических наций относится, пожалуй, к одной из наиболее ангажированных и иррациональных областей знания о прошлом российского общества. Рассматриваемые результатом советской национальной политики, они, вместе с тем, мыслились в категориях примордиализма, не позволявшего увидеть во многом рукотворный характер их происхождения. Степень этой рукотворности зависела от внутриэтнической консолидации будущих наций, конкретных обстоятельств их взаимоотношений с «эксплуататорскими элементами» и решением текущих социально-экономических и политических задач власти. Свои особенности процесс построения социалистических наций имел и на Северном Кавказе, где по заключению одного из его архитекторов, «мы не застали оформленных наций. Они только теперь начинают формироваться. Самое интересное то, что советская власть создает нации, помогает оформиться отдельным племенам как нациям» [1]. Он же отметил и основной институциональный рычаг нациестроительства, ставший впоследствии ахиллесовой пятой советской национальной политики: «... в Советском Союзе все наимельчайшие народы, даже те, которых на большой географической карте не было видно, <...> получили разрешение национального вопроса и самоопределились в порядке государственного

* Статья подготовлена в рамках проекта «Нациестроительство на Северном Кавказе: исторический опыт и современные практики» Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Нации и государство в мировой истории» (2012–2014).

оформления» [2]. Однако на практике процесс самоопределения оказался процедурой далекой от волеизъявления его непосредственных участников и превратился, по образному выражению современного исследователя, в «спонсируемый государственный эволюционизм». Большевики не только пытались, но и взяли под свой контроль «неизбежный процесс образования наций посредством ускорения продвижения отсталых народов через марксистские стадии исторического развития» [3]. Для Северного Кавказа это ускорение вылилось в напряженный поиск советской властью таких форм административно-территориального устройства народов, которые должны были поднять их до уровня промышленных наций.

Материалы и методы. Решение поставленной исследовательской задачи опирается на сложившуюся практику изучения национально-государственного строительства в регионе [4]; представление о природе союзного государства как империи положительной деятельности, высказанное американским историком Т. Мартином [5]; широкий комплекс авторских наработок в области рассматриваемой проблемы, в том числе и архивных изысканий. Исследование основывается на принципах системного анализа, историко-сравнительном и герменевтическом методах.

Обсуждение. Реализация декларированного большевиками права наций на самоопределение началась на исходе Гражданской войны. Именно тогда на съезде народов Терекского нарком по делам национальностей провозгласил образование Горской и Дагестанской автономных советских республик, предопределив, тем самым, дальнейшие перспективы и основные институциональные формы разрешения национального вопроса в регионе. Если до революции лидер партии российского пролетариата настаивал на существовании в России множества национальных вопросов, каждый из которых требовал своего отдельного разрешения, то с установлением советской власти ситуация резко изменилась. Теперь речь велась исключительно о национальном вопросе, чье единственное число свидетельствовало о потере его составляющими своего некогда самостоятельного значения и превращении их в функциональные величины внутренней политики государства. С этого времени разрешение национального вопроса стало связываться с ликвидацией социально-экономического неравенства народов, потребовавшего их превращения в полноценные нации. Фактически начавшийся в октябре 1917 г. этот процесс постоянно находился в сфере пристального внимания советского и партийного руководства. Необходимость его скорейшего осуществления в условиях развернувшегося ожесточенного гражданского противоборства потребовала от большевиков более гибкого подхода к разрешению национальных проблем. Его результатом стало то реальное многообразие форм национального самоопределения, которое позволяло на практике охватить советским строительством все без исключения народы страны. Содержание и идеологическая направленность такого рода автономных образований, как правило, были подчинены задаче восстановления и упрочения новой власти. Однако под воздействием целого ряда обстоятельств – хозяйственной разрухи, резкого падения жизненного уровня населения, несформированности классового сознания у подавляющего большинства народов и этнических групп – конкретные мероприятия в области нацистроительства нуждались в целенаправленном и адресном руководстве. Отсутствие подобного рода опыта, как в центре страны, так и на местах вызвали к жизни целый ряд ведомств и учреждений, призванных осуществлять строительство новой жизни на территории бывших национальных окраин. Ведущее положение среди них по праву принадлежало Народному комиссариату по делам национальностей РСФСР, созданному в соответствии с декретом II Всероссийского съезда Советов от 26 декабря 1917 г.

Призванный обеспечивать мирное сосуществование народов, оказывать всемерное содействие их культурному и хозяйственному развитию, наблюдать за правильным проведением в жизнь национальной политики советской власти Наркомнац оказался единственным учреждением, в основу структурного деления которого был положен именно национальный принцип. В его состав входили национальные комиссариаты и отделы, в том числе и отдел горцев Кавказа. Именно Наркомнацу принадлежала решающая роль в активизации нацистроительства в Российской Федерации, оказании содействия автономиям в решении их материально-технических и организационных проблем. К сожалению, до сих пор отсутствуют исследования по истории возникновения и

деятельности отдела горцев Кавказа, непосредственно занимавшегося осуществлением национально-государственного строительства на Северном Кавказе. Созданный в июле 1918 г. отдел являлся представительным органом горских народов *«в составе центрального органа РСФСР. Его непосредственными задачами являлись: информирование центральных органов власти о нуждах горского населения и их удовлетворении, широкая агитация идей советской власти среди горцев и выработка на началах советской Конституции оснований и положений административно-территориальной и национальной автономии на Северном Кавказе и в Дагестане»* [6].

Одним из наиболее продуктивных, в значительной мере уже проверенных опытом работы революционных комитетов типом взаимосвязей с центром становятся учрежденные в 1920 г. при Наркомнаце отделы автономных и республиканских образований как коллегиальные представительные органы по защите интересов и осуществлению политических, экономических и культурных связей с всероссийскими органами. Параллельно постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 16 декабря 1920 г. учредило представительства Народного Комиссариата по делам национальностей в автономных республиках и областях. В их функции входило наблюдение за реализацией советской национальной политики, установление правильных взаимоотношений между органами РСФСР и национальных образований, взаимное информирование и содействие в улучшении экономической и культурной жизни народностей и национальных групп, устранение ошибок в действиях представителей Центра. Общим направлением деятельности национальных представительств как института уполномоченных центра стало точное соблюдение и контроль над выполнением издававшихся федеральной властью постановлений, ограждавших права и интересы национальностей. Каждое автономное представительство, создававшееся на основе широкого круга федеральных и местных положений и инструкций, с четким определением прав и обязанностей, первоначально направляло в Наркомнац трех своих представителей – председателя и двух членов. По мере расширения задач представительства менялись не только его штат, но и направления работы. Так, функционирование созданного в конце 1922 г. представительства Адыгейской (Черкесской) автономной области сводилось, главным образом, к изысканию в Наркоматах средств, как для организационных нужд, так и для выполнения их непосредственных задач. Одновременно представительство участвовало в работе различных комиссий, заседаниях и совещаниях по вопросам, касавшимся области. Штат представительства включал 5 человек: председатель – У. Алиев, заместитель – Э. Мансуров (с 20 октября 1923 г. – председатель), секретарь, бухгалтер и машинистка. Данный состав характеризовался как *«подобранный удачно и вполне удовлетворительно по работоспособности»* [7]. За короткий промежуток 1922 г. через представительство областной комитет получил 4.035.465 руб. на санитарно-эпидемические мероприятия, организационные расходы, заработную плату сотрудников, приобретение мусульманского шрифта и издание местной газеты, письменно-бумажные и канцелярские принадлежности, литературу, оборудование [8].

В сообщении облисполкому 29 ноября 1922 г. зампредседателя Э. Мансуров указывал на отсутствие систематической связи с руководством области. Областной исполнительный комитет в целях взаимного информирования и установления связи с представительством обязал своих секретарей направлять ему протоколы заседаний не позже трехдневного срока по их окончании, заведующих областными отделами – посылать подробную информацию о результатах деятельности, а также иметь сношения по принципиальным вопросам и возбуждать ходатайство перед Наркоматами через представительство. Последнее, в свою очередь, должно было отчитываться перед исполкомом ежемесячно, не позже 5 числа следующего за истекшим месяца [9]. Деятельность представительства осложнялась острой нехваткой материальных средств, постоянным дефицитом областного бюджета. Тем не менее, на протяжении 1923 г. через представительство был поставлен и решен ряд вопросов, связанных с финансово-кредитной поддержкой области [10], урегулированием территориальных и материально-технических проблем с Кубано-Черноморьем [11]. При этом федеральные органы выступали в качестве правового гаранта принимавшихся решений и нередко играли роль посредника в конфликтных ситуациях пограничных областей. Весьма характерен и показателен властный менталитет местных органов, апеллировавших к центральным органам не столько за оказанием действенной поддержки и

помощи, сколько за приобретением легитимности в глазах населения. 9 января 1923 г. Адыгейское представительство направило в Президиум ВЦИК, не поставив предварительно в известность исполком Кубано-Черноморской области, ходатайство об оказании автономии помощи в «*передаче части книг, имевших чисто историко-национальную ценность для адыго-черкесского народа Центральной библиотеке Адыгейской области*» [12].

Нежелание, усиливавшееся наличием прежнего опыта разрешения ситуаций, требовавших непосредственного контакта с Кубанью, хозяйственно-экономические неурядицы области, преобладание в ряде случаев местнических интересов превращало представительство из органа связи между автономными и центральными учреждениями в перегруженное «*бытовыми мелочами*» ведомство, призванное во что бы то ни стало «*решить, поставить, пробить*». Работа представительства оценивалась областным исполнительным комитетом удовлетворительно [13]. Являясь формой организационных, деловых взаимосвязей с РСФСР, представительства вносили существенный вклад в реализацию советского строительства, однако не всегда учитывали тяжесть экономического положения Советского государства, предъявляя иногда чрезмерные требования по снабжению своих автономий [14]. В последующем, с ликвидацией Наркомнаца институт национального представительства с 1924 г. начал функционировать при Отделе национальностей Президиума ВЦИК. 9 апреля 1924 г. ВЦИК и СНК РСФСР приняли проект положения «О представителях автономных республик и областей», по которому последние имели задачей представительство и защиту во всех центральных учреждениях РСФСР политических, культурно-просветительских и экономических интересов своих народностей, проведение в центральных учреждениях вопросов и мероприятий, касавшихся соответствующих образований, информирование центра о положении дел и проводимых мероприятиях [15]. На президиумы исполнительных комитетов возлагалось проведение в жизнь начал советской национальной политики на местах. Им предлагалось выделить из своих составов уполномоченных для осуществления мероприятий по защите прав и интересов национальных меньшинств, предоставить не позже 15 февраля 1925 г. исчерпывающие сведения и данные, характеризовавшие положение нацменьшинств и имевшиеся планы работы [16].

Состоявшееся 2 июля 1924 г. совещание представителей автономных республик и областей, приняв проект положения за основу, внесло ряд поправок: оставить представительствам право участия с совещательным голосом на заседаниях центральных органов СССР при рассмотрении вопросов, касавшихся их интересов и, соответственно, приглашать их для решения вопросов подобного рода центральными учреждениями. Окончательный вариант положения учитывал выдвинутые замечания, однако ходатайство о выполнении представительствами функций хозяйственно-оперативного характера отклонялось [17]. Призванный изучать опыт советского хозяйственного, культурного строительства в национальных районах, разрабатывать и вносить на утверждение Президиума ВЦИК законопроекты, направленные на подъем экономического, социально-политического и культурного уровня трудящихся масс, институт национального представительства являлся и своеобразной формой подготовки партийных и советских кадров [18].

Для народов Северного Кавказа нациестроительство началось с урегулирования земельных противоречий между горцами и казаками, острота которых поставила регион на грань новой Гражданской войны. Благополучное в этом отношении казачество виделось властью, да и самими «националами» главной причиной бедственного положения «обездоленных в прошлом горских масс». Единственной возможностью выправления сложившегося положения стало предоставление последним сначала коллективной, а затем и отдельных автономий. 20 января 1921 г. была образована Горская автономная советская социалистическая республика, как «*часть Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, в состав коей включались территории, занимаемые ныне чеченцами, осетинами, ингушами, кабардинцами, балкарцами и карачаевцами и живущими между ними казаками и иногородними...*» [19]. История образования и развития Горской автономной республики привлекает внимание исследователей вот уже на протяжении нескольких десятилетий. Вместе с тем, сам факт ее существования, причины возникновения и ликвидации не получили в отечественной историографии однозначной

оценки. События того времени и связанные с ними процессы национально-территориального размежевания народов Северного Кавказа позволили не одному поколению исследователей видеть в ней первый опыт многонациональной автономии, позволившей горским народам разрешить острейшие социально-экономические и национальные противоречия своего развития. Между тем, уже в 1921 г. из ее состава выйдет Кабардинский округ, руководство которого оказалось крайне недовольным разрешением «за его счет» земельного вопроса. Ряд современных исследователей на основе анализа земельных преобразований в Горской республике склонны полагать, что она стала узаконенной формой ограбления кабардинского народа: «Вспомним в связи с этим, что “Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана” и пришедшая ему на смену независимая Горская республика отказались от решения аграрного вопроса за счет внутреннего перекраивания границ между горскими народами. Но Горская АССР, как и Терская республика, встала на этот порочный путь, выбрав в качестве жертвы опять-таки Кабарду. К весне 1921 г. она лишилась 30 % своих земель (по сравнению с 1918 г.)» [20]. Распад коллективной горской автономии, невозможность «справедливого» разрешения в ее пределах земельного вопроса и вызванное ею обострение межнациональных взаимоотношений поставили перед советской властью практически невыполнимую задачу «совершенствования» автономных образований. Некогда найденная и признанная удачной форма «приобщения нерусских народов к идеям и строительству социализма» со временем превратилась в действенный механизм поддержания национальной идентичности народов в государстве с интернациональной идеологией.

Выводы. Строительство северокавказских наций потребовало от советского государства немалых усилий. Создаваемые как новые социальные общности с присущей им культурной спецификой они, в конечном итоге, превратились в автономные образования, поддержание которых сопровождалось чередой административно-территориальных преобразований и поиском их оптимальной взаимосвязи с центром.

Примечания:

1. Алиев У. Национальный вопрос и национальная культура в Северо-Кавказском крае. Ростов н/Д., 1927. С. 9.
2. Там же. С. 5.
3. Цит. по: Новикова Л.Г. Советская национальная политика в оценках трех западных историков // Отечественная история. 2006. № 4. С. 126.
4. Подведение ее итогов см.: Кринко Е.Ф., Хлынина Т.П. История Северного Кавказа в 1920 – 1940-е гг.: современная российская историография. Ростов н/Д., 2009; Кадио Ж. Лаборатория империи. Россия/СССР, 1860–1940. М., 2010; Виноградов Б.В., Виноградов В.Б., Клычников Ю.Ю. Российская власть и горский традиционный уклад: очерки взаимодействия в конце XVIII – начале XXI века. Славянск-на-Кубани, 2012; Хлынина Т.П., Кринко Е.Ф., Урушадзе А.Т. Российский Северный Кавказ: исторический опыт управления и формирования границ региона. Ростов н/Д., 2012.
5. Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М., 2011.
6. Мулукаев Р.С. Из истории Терской Автономной советской республики (март 1918 – февраль 1919 г.) // Известия Северо-Осетинского НИИ. Орджоникидзе, 1958. Т.XXI. Вып. 1. С. 5–24.
7. Национальный архив Республики Адыгея (далее – НАРА). Ф.Р.-730. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.
8. Установление Советской власти и национально-государственное строительство в Адыгее. 1917–1923. Майкоп, 1980. С. 246–247.
9. НАРА. Ф.Р.-730. Оп. 1. Д. 4. Л. 4.
10. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф.Р.- 1318. Оп. 1. Д. 179. Лл. 350, 355, 364.
11. Там же. Л. 352. Д. 215. Лл. 380–381, 383.
12. Там же. Оп. 1. Д. 215. Л. 380.
13. НАРА. Ф.Р.-1. Оп. 1. Д. 130. Л. 2.
14. Макарова Г.П. Народный Комиссариат по делам Национальностей РСФСР (1717-1923). Исторический очерк. М., 1987. С. 131.

15. НАРА. Ф.Р.-1. Оп. 1. Д. 121. Л. 13.
16. Там же. Д. 51. Л. 35.
17. ГАРФ. Ф.Р.-259. Оп. 8. Д. 1031. Лл.3, 6–7, 16.
18. Гришук И.Т. Проводники интернациональной дружбы. Из истории деятельности института национального представительства. Воронеж, 1986. С. 16.
19. Постановление Всероссийского центрального исполнительного комитета об автономной горской социалистической советской республике // Собрание Узаконений. 1921. № 6. Ст. 41.
20. Хлынина Т.П., Кринко Е.Ф., Урушадзе А.Т. Указ. соч. С. 122.

References:

1. Aliev U. Natsional'nyi vopros i natsional'naya kul'tura v Severo-Kavkazskom krae. Rostov n/D., 1927. S. 9.
2. Tam zhe. S. 5.
3. Tsit. po: Novikova L.G. Sovetskaya natsional'naya politika v otsenkakh trekh zapadnykh istorikov // Otechestvennaya istoriya. 2006. № 4. S. 126.
4. Podvedenie ee itogov sm.: Krinko E.F., Khlynina T.P. Istoriya Severnogo Kavkaza v 1920 – 1940-e gg.: sovremennaya rossiiskaya istoriografiya. Rostov n/D., 2009; Kadio Zh. Laboratoriya imperii. Rossiya/SSSR, 1860–1940. M., 2010; Vinogradov B.V., Vinogradov V.B., Klychnikov Yu.Yu. Rossiiskaya vlast' i gorskii traditsionnyi ukhad: ocherki vzaimodeistviya v kontse XVIII – nachale XXI veka. Slavyansk-na-Kubani, 2012; Khlynina T.P., Krinko E.F., Urushadze A.T. Rossiiskii Severnyi Kavkaz: istoricheskii opyt upravleniya i formirovaniya granits regiona. Rostov n/D., 2012.
5. Martin T. Imperiya «polozhitel'noi deyatelnosti». Natsii i natsionalizm v SSSR, 1923–1939. M., 2011.
6. Mulukaev R.S. Iz istorii Terskoi Avtonomnoi sovetskoi respubliki (mart 1918 – fevral' 1919 g.) // Izvestiya Severo-Osetinskogo NII. Ordzhonikidze, 1958. T.XXI. Vyp. 1. S. 5–24.
7. Natsional'nyi arkhiv Respubliki Adygeya (dalee – NARA). F.R.-730. Op. 1. D. 4. L. 1.
8. Ustanovlenie Sovetskoi vlasti i natsional'no-gosudarstvennoe stroitel'stvo v Adygee. 1917–1923. Maikop, 1980. S. 246–247.
9. NARA. F.R.-730. Op. 1. D. 4. L. 4.
10. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (dalee – GARF). F.R.- 1318. Op. 1. D. 179. Ll. 350, 355, 364.
11. Tam zhe. L. 352. D. 215. Ll. 380–381, 383.
12. Tam zhe. Op. 1. D. 215. L. 380.
13. NARA. F.R.-1. Op. 1. D. 130. L. 2.
14. Makarova G.P. Narodnyi Komissariat po delam Natsional'nostei RSFSR (1717-1923). Istoricheskii ocherk. M., 1987. S. 131.
15. NARA. F.R.-1. Op. 1. D. 121. L. 13.
16. Tam zhe. D. 51. L. 35.
17. GARF. F.R.-259. Op. 8. D. 1031. Ll.3, 6–7, 16.
18. Grishchuk I.T. Provodniki internatsional'noi druzhby. Iz istorii deyatelnosti instituta natsional'nogo predstavitel'stva. Voronezh, 1986. S. 16.
19. Postanovlenie Vserossiiskogo tsentral'nogo ispolnitel'nogo komiteta ob avtonomnoi gorskoi sotsialisticheskoi sovetskoi respubliki // Sobranie Uzakonenii. 1921. № 6. St. 41.
20. Khlynina T.P., Krinko E.F., Urushadze A.T. Ukaz. soch. S. 122.

УДК 323.1(470.6)

«На Северном Кавказе мы не застали оформленных наций»: советские практики нациестроительства и их региональные особенности

Татьяна Павловна Хлынина

Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН, Российская Федерация
344006, Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41
Доктор исторических наук
E-mail: tatiana_xl@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу советских практик нациестроительства на Северном Кавказе. В ней рассматриваются конкретные обстоятельства и институциональные механизмы формирования северокавказских наций. Отмечается основная роль в этом процессе советского государства, его тесная взаимосвязь с решением текущих социально-экономических и политических задач. Подчеркивается региональная специфика нациестроительства, чьим проявлением на Северном Кавказе стала административно-территориальная нестабильность создаваемых автономий. Делается вывод о государственно спонсируемом характере процесса нациестроительства в регионе.

Ключевые слова: Северный Кавказ; практики нациестроительства; национальная автономия; национальная политика; Наркомнац; отдел горцев Кавказа; коллективная идентичность; империя положительной деятельности; спонсируемый государственный эволюционизм.